

МОРАНА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ МИФОЛОГИИ И НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В истории записи народных верований и ритуалов, мифологических интерпретаций и академических реконструкций славянской политеистической языческой религии статус богини Мораны (Мора, Морена, Марена, Мажана) изменился. Автор приводит записи в старопольских хрониках, в которых ритуальное потопление куклы Мажанны в весеннем ритуале изгнания зимы связано с Церерой. Показано, как Морана превратилась в богиню смерти в славянском пантеоне и так утвердилась в мифографических сочинениях XIX века. Автор цитирует произведения некоторых романтиков, модернистов и современных авторов славянской фантастики с образом Мораны.

Ключевые слова: Морана, славянское язычество, ритуалы изгнания зимы, богиня смерти, литературные образы, мифологические реконструкции.

Historically, the status of the Slavic pagan goddess Morana (Mora, Morena, Marena, Marzana) hasn't always been the same. The author cites historical records from Old Polish chronicles, which describe the ritual immersion of the doll Marzana at winter's turn into spring, and associate it with the goddess Ceres. The interpretations of Slavic polytheistic pagan religion, and academic reconstructions, show how Morana was transformed into the goddess of death in the Slavic pantheon and established in mythographic reconstructions of the 19th and 20th centuries. The author also cites Romantic and modernist poetry and contemporary Slavic fiction in which Morana appears.

Keywords: Morana, Slavic paganism, goddess of death, mythology, rituals, literary image.

О богинях в верованиях славян-язычников существует мало достоверных записей и надежных археологических подтверждений. В киевском пантеоне Владимира упоминается богиня Мокш, но исследователи не согласны относительно ее происхождения. Ряд авторов, которые старались пополнить пантеон славянских богинь, в кабинете создавал имена, такие как: Девана, Летница, Лютица, Хлипа, Рожаница, Морена.

Здесь я сосредоточусь на образе Морены, которая появляется под разными именами – *Мора, Морена, Мара, Марена, Мажана*. В средневековых германских хрониках Титмара, Гельмольда, Адама Бременского, Сакса и др. нет подтверждений о существовании у балтийских славян культов и святилищ, посвященных Маре либо Морене. Марцаны нет между бронзовыми идолами полабских славян, изготовленных ювелиром Якобом Шпонхольцем в XVIII веке, и потому ее нет также в книге Андреаса Готлиба Маша о якобы найденных статуэтках Ретры – прильвицких идолах. В списках кумиров и идолов, которых уничтожали, согласно летописям восточных славян, нет упоминаний о Море, Маре или Морене как о богинях, которым поклонялись язычники.

В исследованиях

Отсутствие свидетельств, подтверждающих поклонение язычником богине Маре/Морене открывает вопрос – когда и где у славян ее имя начинает появляться. Впервые богиня Марзана (Marzana) упомянута в хронике Яна Длугоша *Анналы, или хроники великих королей Польши (Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae)*, написанной в 1460 г., опубликованной в отрывках в 1614 году, а полностью напечатанной в 1711 г. В главе первой книги об основании Лехом столицы в Гнезно и о богах, которых в те времена почитали поляки, бывшие ещё язычниками, Ян Длугош Марзану связал с Церерой, древнеримской богиней урожая, плодородия и жатвы. В антические времена греческую Деметру и римскую Цереру изображали с фруктами. Ее дочку Прозерпину (у греков Персефону) похищают, и она неплодородную часть года проводит в подземелье. Длугош в хронике не упоминает, что у поляков Марзана / Мажана имела дочку. Он описывает, как поляки еще носят великопостное чучело/куклу Дзеванны и Марзаны на саях и потом топят их в близлежащем болоте. Александр Гейштор в книге *Мифология славян*, вслед за Путканским, пытается найти «зерно правды о религиозных представлениях» в записях Длугоша (Гейштор 2015: 32). Йохим Бельский в своей *Польской хронике* 1597 г. описывает потопление идола из конопли и соломы в озере в сопровождении жалостного пения (Гейштор 2015: 188–189). Согласно Длугошу, последующие латинисты повторяют за ним отождествление Марцани/Мажаны и Цереры – Мартин Кромер *О происхождении и деяниях поляков* (1555, *De origine et rebus gestis Polonorum*), Александр Гваньини *Описание Европейской Сарматии* (1578, *Sarmatiae Europaeae descriptio*), Матей Стрыйковский *Хроника польская, литовская, жмойтская и всея Руси* (1582). Они также Марцану не называют богиней смерти и не вспоминают о дочери, которая соответствовала бы Прозерпине. Обычай потопления Мажаны появляется и в известной *Истории* Адама Нарушевича в восьмидесятых годах XVIII в. (Naruszewicz *Historya* 1.1.XIV). Поляк Михаил Лучиньски считает, что в летописях старопольская форма *mar-появилась как результат заимствованной из старочешского языка формы *mor- (Łuczyński 2020: 246–247). Александар Лома и Марта Белетич пишут, что нет доказательств возможности возведения группы слов mor* и mar* к одному этимону, и предлагают связать воплощение судьбы с элементами культа мертвых (Белетич, Лома 2013: 63–64, 67). Авторы считают:

Необходимо все-таки допустить, что кажущееся смешение омонимичных корней в самом деле является отражением древней полисемии. В первобытном мышлении граница между сном, смертью и судьбою является довольно нечеткой. Сон рассматривается как промежуточное состояние между жизнью и смертью, поскольку умершие продолжают жить во сне их живущих родственников и знакомых. Такой вид сознания характерен для самой архаичной культуры человечества (Белетич, Лома 2013: 71).

На основе более поздних фольклорных собраний Татьяна Агапкина пишет об уничтожении Марены у словаков, чехов и поляков, не делая вывода об отождествлении их чучел с богинями (Агапкина 2002: 581, 600–608). Морена выступает также в славянском пантеоне мифографических произведений авторов, которые пользовались текстами польских латинистов, как, например,

в списке богов в рукописных хрониках сербского графа Джорджа Бранковича – „Прочи же свои б(о)гови именоваху Ёса, Ладь, или Ладо, Ния, Марзань, Зизилилия...“ (Бранковић 2008: 192), *Истории* Йована Раича (Раич, I: 271) или книгах Милоя Милоевича (Раденковић 2008: 271).

Когда и как добрая богиня плодородия Морена превратилась в богиню уничтожения и смерти?

Михал Френцел, лютеранский проповедник и переводчик новозаветных текстов на лужицкий язык Марзану (Marzana) называл суеверием поляков Силезии и Лужицы (*Rerum Lusaticarum* 1719: 82). А его сын, филолог Абрахам Френцель написал трактат об идолах славян (1719, *Disertationis historicae tres de Idolis Slavorum*), в котором 29-ая глава носит заглавие „De Marzava, Dea Morte sseu Mortis“ (Михайлов 2017: 30). Абрахам Френцель, опираясь на польские летописи, называет Марзану богиней смерти (*Vocatur autem Mors seu Nex Dea Slavorum*), но он думает, что имя богини польские авторы ошибочно писали с буквой «а», потому что ее звали *Morzana, Morzawa* (*Rerum Lusaticarum* 1719: 223).

В исследованиях русских древностей филолог и поэт Андрей Кайсаров в книге на немецком (1804, *Versuch einer Slavischen Mythologie*), а потом и на русском *Мифология славянская и российская* (1807, 1810) упоминает Марцану. Он ссылается на Длугоша и польскую версию имени богини:

Длугос говорит, что поляки усердно чтили Марцану, как богиню жатвы. Френцель напротив того утверждает, что Марцана была богиня смерти. Это мнение доказывает он следующими словами Шнейдера. Славяне (в Мейсене) по обращении своем в христианскую веру, в четвертое воскресенье поста наткнули на колья изображения Марцаны и Зивонии, с печальным пением и жалобным голосом носили их торжественно и наконец бросали в воду предполагая, будто через то самое молодые жены становились плодородными, город очищался, и от жителей в том году отвращалась язва и другие прилипчивые болезни.

Гуагнини же сравнивает нашу богиню с Венерою. С кем согласиться? (Кайсаров 1810: 126–127).

Кайсаров потом продолжает, упоминает Френцеля и приводит примеры славян из немецких краев:

Если словопроизводство в сем случае может дать объяснение, то Френцелево мнение кажется мне всех достовернее. По-русски «морю» (умерщвляю), по-богемски «мру» (умираю), «мрцавати» (оледенеть, замерзнуть). Пусть это божество и было Венерою славян, как думает Гуагнини, или Церерою их, по мнению Длугоса; но для чего ж они сопровождали сие торжество печальными песнями, когда мы уже знаем по римской мифологии и по самому предмету, что обе богини приносили радость? Кумир сего божества вместе с другими был уничтожен в 965 году Мстиславом, обратившимся в христианскую веру. (Кайсаров 1810: 128–129).

Кайсаров соглашается с Френцелем из Лаузица (Лужицы), что Марзана богиня смерти. Он ошибочно указывает 1638 год публикации Френцеля и имеет в виду Миха(и)ла Френцеля младшего, который в Виттенбергском университете

опубликовал короткое рассуждение о славянских богах *Об идолах славян* (1691, *De idolis Slavorum*). Восьмая глава третьей части там имеет заглавие „Marzana“ (Михайлов 2017: 25–26). Николай Михайлов замечает его недостаточно достоверные этимологии теонимов (Михайлов 2017: 27). Брат Михала Френцеля, филолог – Абрахам, которого Кайсаров в обзоре предыдущих исследований хвалит как более знающего, пишет о Марцане как о богине смерти. Кайсаров добавляет свои любительские, уже русские этимологии.

На Вацлава Ганку могли повлиять книги Френцеля или Кайсарова, когда делал подделку богини смерти в якобы чешских древностях. Подделка Ганки удалась и быстро прославилась в славистике эпохи романтизма. Об открытии старой рукописи в церковной башне городка Двур Кралове над Лабем Ганка объявил в 1817 году, а первое издание *Краледворской рукописи* напечатано в 1819 году. Потом печатались издания на чешском в 1829, 1835, 1843, а одновременно начали появляться многочисленные комментарии и переводы на славянские языки (Некрасов 1872). Морена появляется в 4-ой песне *Краледворской рукописи*, в которой описывается бой воеводы Честмира и Власлава – врага пражского князя Неклана. Смерть Власлава описывается так: *Vlaslau strasno po zemi sie koti / i w bok i w zad wstati nemozese / morena iei sipase w noc czrnu / kipiese krew ze silna Vlaslawa / po zelenie trawie w siru zemiu tecie* (4, стихи 215–219; Некрасов 1872: 185, 351). Поэт-создатель и его соавтор Йозеф Линда в 217 стихе связали смерть, Морену и ночь. В сопровождающих словарях отмечено, что Морена, Марана – богиня смерти. В *Краледворской рукописи* и в 6-ой песне „Забой, Славой и Лудьек“ (*Záboj, Slavoj i Ludiek*) появляется якобы языческая богиня, тут уже в форме *морана*. В этой песне представлена борьба язычников Забоя и Славоя против насильственной христианизации. Поддельщики здесь связали в оппозиции Весну и Морану *po puti wsiei u ivesni po moranu* (6, стих 40; Некрасов 1872: 88). Эти божества якобы олицетворяют молодость и смерть, и именно такая и подобные оппозиции в будущем будут сильно укрепляться. Но вклад Ганки в утверждение Мораны как богини чехов-язычников тут не заканчивается.

Средневековая энциклопедическая рукопись на латинском языке была подарена в 1818 году библиотеке чешского Народного музея. В рукописи существовали глоссы древнечешского языка, но к ним Вацлав Ганка добавил несколько сотень подделанных чешских глосс якобы монаха Вацерада и опубликовал под заглавием *Mater Verborum* в 1833 году. В списках древнечешских слов были и имена богинь *Děvana, Lětnica, Lada, Lutica, Morana, Hlipa* (Ајдацић 2016: 41, 124). Отсутствие критических оценок ведущих чешских славистов, включая Павла Шафарика, которых тогда очень уважали, закрепило старые и новые якобы открытия библиотекаря, поэта и филолога. Во второй половине XIX века патриотические фантазии Ганки были разоблачены и филологическими и химическими доказательствами. Очевидно, что в Ганкиных подделках польская форма Марцана, Мажана уступает место названиям Мора, Морана.

В русских исследованиях славянской мифологии идеи Ганки влиятельно закрепились. Историк Михаил Касторский пребывал в Германии и у Шафарика в Праге познакомился с тогда новейшими взглядами о славянских древностях. В конце тридцатых и в начале сороковых годов он в Санкт-Петербургском университете читал лекции по славянской филологии. В 1841 году опубликовал

Начертание славянской мифологии. Десять страниц раздела „Боги племенные“ этой книги посвящено Морене, которую в подзаглавии автор называет – Мурена (Касторский 1841: 111–120). Касторский сразу приводит все Ганкины подделки: дает русский перевод из 4-ой песни *Краледворской рукописи* – „Морена сыпала в ночь черную“, оппозицию Морены и Весны из 6-ой песни и глоссы из *Mater verborum* – „Вацерад переводит именем Морены *Римскую Гекату*. Ее имя и поныне живет в устах Словаков, Чехов, Лужичан и Поляков“ (Касторский 1841: 111). Автор позже, опираясь на противопоставление смерти природы и ее оживления, приводит примеры вынесения фигуры Морены или *дидка* из уже онемеченных краев, свидетельства пастора Куниеля первой половины XVIII века о поклонении Морене, а также, что о Троице „каждый вечер простой народ, каждый вечер отправлялся на Маранину гору“ (Касторский 1841: 113). Касторский набрасывает ряд данных, связанных со смертью, считая что и без аргументации понятно, что они подтверждают существование богини Марены. Он указывает, что возле Грюнвальда найден женский кумир из глины с лицом покойника. Переходя на польские края, автор связывает фрагмент их хроники Кромера о бросании идолов Марзании и Зевонии на четвертой неделе поста в болота (Касторский 1841: 113). В поиске подобных представлений у восточных славян, автор ссылается на изгнание смерти девушками в орловской губернии и неубедительно добавляет разнородный этнографический материал о посещении родительских могил с едой (радуница), сжигании чучел Морены в слободско-украинской губернии, и верованиях о летающей душе, о дзядях, тризне. Наивное совмещение природного цикла с мифологической персонализацией видно из изречения „Наконец, мало по малу Морена переходит в Весну“ (Касторский 1841: 120).

Измаил Срезневский, который лично знал и уважал Ганку, в книге *Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям* (1848) приводит глоссы из *Mater verborum* по изданию Ф. Палацкого и П. Шафарика, включая название богини Мораны (Срезневский 1848: 6).

В книге о славянской мифологии относительно забытого историка, этнографа и археолога Дмитрия Шеппинга (1849) одна глава посвящена богиням жизни и смерти – Живе и Море. Имена Живы – Дзева, Дева, Дидолада, Дидилия – автор необоснованно считает подлинными и толкует как плодородную силу молодости, любви и брака, развития растительной силы природы, созревания плодов. Имя Жива подтверждает славянская хроника миссионера середины XII века Гельмольда из Босау на латинском языке *Chronica Slavorum*. Упоминание Живы из верований полабских славян потом повторяли многие компиляторы. Дмитрий Шеппинг пишет, что Мору называют Хорст, Хора, Морена, Кродо и что она олицетворяет бесплодие, болезнь, дряхлость и конец жизни. Автор пишет:

Корень мор, смрд, мрж, мрз находим мы во многих славянских словах: мор – в значении смерть, морить, умора, мароз, мрак, мерзость, маркотно и пр., также и в названиях богов Морена, Мардзана, Пизамара, Смаргла (Семаргла), Радамаскла или Радамаргла, Рарашки или Марашки, Мерот, Моревит, Мара, Мора, Кикимора, Мура, Мурашки, Маросы, Маркоты, Дамора и Давора. Этот корень мор сохранился и в иностранных названиях смерти на латинском,

французском и на прочих романских языках, исключая немецкий язык, в котором этот корень удержался только в словах *mord*, *morder*. В прусско-славянском мифе мы встречаем Мароса, или Мара, в литовско-прусском – Маркоттов и Маркополов, которых Гануш находит у славян под именем Маркотов. В древней римской теогонии встречаем мы богиню *mors* или Морту (богиню смерти) и брата ее Морфея, бога снов. Наконец персидский Мортихорас – бог зла и эманация Аримана, как будто соединяющий в своем имени оба корня мор и хор, может служить нам намеком на их восточное происхождение.

[...] Имя Моры, как окончательный момент развития растительной жизни в плоде, является относительно самого растения в значении богини старости и временной смерти его; относительно же человека она является богиней осенних плодов, почему и переходит от злого значения богини смерти к значению доброй богини плодородия. То же самое двойственное значение получает она под именем Марцаны, как богиня смерти животных. В этом отношении она, доставляя человеку богатые плоды звероловства, уподобляется благодетельной Диане. Однако же Морена как богиня осени и зимы, удержала свое первоначальное значение временной смерти природы, что ясно видно из уцелевших еще обычаев хоронить изображение Моры при наступлении весны, олицетворяя в этой церемонии не только окончание зимних холодов, но и смерть прошедшего года.

Александр Афанасьев в трехтомной книге *Поэтические воззрения славян на природу* (1865–1869: 556) упоминает поджигание чучела на масленицу, с интерпретацией что вместо имени забытой богини используется название народного праздника. Этнолингвист Анатолий Журавлев в исчерпывающем анализе верований и заблуждений Афанасьева пишет об отличиях чучел западных славян – чехов (Марена, Маржена, Морана), словаков (Морена), поляков (Мажена), которых как олицетворение смерти сжигали либо топили, в обычаях, связанных с куклой масленица [Журавлев 2005]. Обрядовое уничтожение чучел (которое у западных славян может носить имена с корнями *mar-* или *mor-*) описано этнографами и фольклористами и представляет собой отбрасывание и прощание с зимой как неплодородной частью года.

Украинский историк и фольклорист Николай Костомаров в тексте „Несколько слов о славяно-русской мифологии в языческом периоде, преимущественно в связи с народной поэзией“ писал о купальском чучеле:

также делают чучело, одевают в женское платье и называют Мореною или Купалою; в заключение это чучело повергают в воду, как семицкую березку.... В песнях, относящихся к купальскому празднеству, постоянно упоминается вода, поется о какой-то девице, утонувшей (или же бросившейся в воду) в воде, девица эта называется то Мореной, то ... То же женское существо, которое под именем Морены или Купалы является в песнях, изображается и сценическим действием; и чучело, составляющее, как мы сказали, принадлежность этого празднества с тем же именем, по всем соображениям представляет олицетворение чествуемой воды: это Морена – Моряна – морская царица, или морская богиня; она в воображении язычников, вероятно, представлялась возлюбленною солнца, а в одной старинной сказке названа прекрасною морскою царевною Анастасиею;

У западных славян Морана – богиня смерти, и не удивительно, что, знаменуя воду, она была вместе богиней зимы и смерти. Вода, как мы уже замечали, есть стихия и благодетельная, и убийственная; она оживляет, освежает, поддерживает бытие и прекращает его; и дает плодородие, и разрушает его; сообразно этому двойственному характеру в природе и в поэтической символике народа вода имеет как светлое, веселое, так равно и мрачное, печальное значение. Близость моря и смерти заметна во многих чертах народной поэзии (Костомаров 1994: 270).

Труды восточнославянских мифологов, которые очень любили общеславянские обобщения, распространялись между славянофилами в середине и конце XIX века. Уже в конце века существующие более критические тексты Сумцова, А. Веселовского, Н. Нодила еще не получили огласки в тени менее критических предшественников.

В художественной литературе

На переломе XIX и XX веков, на волне возвращения мифологии славянского язычества в стиле модернизма-сецессии, в разных точках Австро-Венгерской монархии, в стихах некоторых поэтов встречаются Славянские боги. Хорватский поэт Владимир Назор и украинец Василь Пачовский в свои поэтические циклы включают и богиню Морану. Назор в своей первой книге *Славянские легенды* (Slavenske legende) 1900 г. связывает силы природы с языческими богами славян. Песню „Диди Ладо“ он создал на противопоставлении жизни смерти, сил роста силам уничтожения, противопоставляя Ладу с Яровитом богине Моране. Морана пугает и угрожает девушкам, которые вступают во взрослую жизнь, а Лада, как их защитница, требует от них, чтобы любовь, которой они предадутся, принесла плод, рождение новой жизни. Украинский поэт Пачовский в заглавии поэтической книги о любви прямо посвящает свои стихи – *Ладі і Марені : терновий огонь мій* (1912). Лада и Марена противопоставляются как любовь и смерть. Хотя имена богинь появляются в заглавии, в самом сборнике они выступают только в стихотворении «Заспів». Василь Левицкий в критике 1913 г. написал:

Заголовок книжки також фантастичний: нічим не вяже ся зміст із заголовком: Ладо: – в прочім бог семейного щастя, яке для Пачовського не все було сьвятим; Марена, менше в нас ще звісне божнице смерти, не дуже буде тішити ся терновим огнем. (Левицкий 1913).

В прозе Поляка Владислава Оркана *Drzewiej* мир природы переплетается с любовью героев и существами низшей и высшей славянской мифологии, олицетворяющих психологические состояния и желания. Появление Мажы не связывается со смертью, а с неуверенностью в материальности существования – *Jedynie święta Marza pozostała... Czy to Przywida zjawy? / czy Marzy sługi wysłanne? Czy krwi oczu bolesnych.*

Мару в прозе *Посолонь* Алексей Ремизов называет Мара-Марена:

Идет по луговьям, по ниве Мара-Марена, кукует тихо и грустно, кукует, изнемает тоскою дорогу; Идет Мара-Марена; Взглянет Мара-Марена; Мара-Марена – в одной руке серп, в другой зеленый веноч. Она сердце иссушит,

подкосит вековое, разорвет неразрывное, вздует ветры, засыпет сыпучим снегом теплое солнце, размахает крепкие дубы.

Мара-Марена в сказочном *Посолонье* является символом преодоления смерти.

Перемены в мировоззрении славян после упадка коммунистического атеизма усилились в конце XX и в начале XXI века и отразились в возвращении к забытому славянскому язычеству. Возобновляются старые критические и некритические издания о мифологии, широко распространяется *Книга Велеса*, усиленно публикуются литературные тексты с образами богов, энциклопедии и сайты, пропагандирующие неоязычество. Особенное объединение тех двух типов текстов использует польский писатель и сценарист Чеслав Бялчиньский. Его книга *Славянская мифология – Книга тура (Mitologia Słowiańska – Księga tura)* является компиляцией текстов с критическими и некритическими исследованиями, с выдумками поддельщиков и фантазиями и реконструкциями самого автора. Бялчиньский склонен к заполнению многочисленных пробелов в знаниях о славянских богах и созданию масштабной систематизации мифологического мира. Он вводит порядок в поколения богов, объединит высшую и низшую мифологии, добавляет новые существа, опирается на якобы этимологию, связывает разных персонажей с легендами, их отношениями, пространством, символами. Каждый из разделов содержит в начале повествование о существах и событиях, а потом комментарии источников с ссылками на обоснования верований или культ, связанный с ними. Некоторые из эпизодов являются интересными компиляциями, как напр. участие Мора в создании, а потом и уничтожении Святогора. По *Книге тура* после Черноглава и Бялобоги от праотца и праматери являлись сначала поколения одноголовых и Стихий, а потом и 12 близнецов – 12 сил, к которым принадлежат и близнецы брат и сестра – Мор и Мора (Мажаны), одновременно являющиеся и любовной парой в своей стране Моров (Białczyński 2000: 141–142). У Мажаны и Мора есть дочка, слабее их, – Змора. Мор – это бог Заразы и Уничтожений. Автор их называет Морами и их представляют сливы и шелковицы, ящерицы и мыши, зяблики и черные дрозды, шипы (Białczyński 2000: 85). По Бялчиньскому с Морами – связаны реки от Мажаны – Маруша, а от Мора – Морава (Białczyński 2000: 54), они помогли Велесу создать 9 черных источников, чья вода течет в Мртвацу, а Мраморное море также с ними связано. Таким способом компилятор-поэт не исключает ни речную, ни морскую природу Моров. В графическом представлении всей мифологической системы Мора находятся в пятом кольце, они обозначены серым цветом, их месяц – февраль, а знак гороскопа – Рыбы.

В романе *Обратная сторона света* (2012) (*Зворотній бік світла*) украинская писательница Дара Корний рассказывает о плоде любви темного бога Стрыба, сына Морока из Мира Бесконечной ночи и светлой бессмертной Птицы – госпожи совершенство из Яворорота. Мара как защитница Птицы скрывает от неверного отца Стрыба рождение дочки, и в одной бездетной семье людей из города Львова, на их радость, прячет девочку Мальву. На первый взгляд обыкновенная девочка, Мара в романе Корний обладает вечной мудростью, а также тайной рождения и смерти. Книга насыщена славянской неоязыческой мифологией с многочисленными мирами. Роман открывает эпиграф из *Велесовой книги*, а ряд мотивов из нее прямо заимствован (Ајдачић 2016: 164–165). Но ав-

тор отступает от образа, закрепленного в мифологических подделках, – ее Мара называется Повелительницей смерти, но Корний пишет, что она отошла от темных и начала давать бессмертие и смертным. С этим даже темные в конце концов согласились, чтобы их потомки не потеряли, разозлив Мару – возможность жить вечно. Почетное посвящение в бессмертные сопровождается вручением Марой-Повелительницей смерти Переменника, который она передает и для девушки Мальвы, дочки Птахи и Стрыба. Мара таким образом получает большую силу, чем она имела, а ее решения влияют и на судьбу смертных, которым она дает Переменник, т.е. бессмертие.

Зазвичай вигравала та сторона, яка першою дізнавалася про позначення безсмертного серед смертних. Цього разу світлі випереджали темних, тобто Птаха всіх випереджала. Тому, очевидно, темні і скаженіють. Мало того, що забрала у володаря темного Світу Морока його єдиного сина, так ще й чисту безсмертну тепер намагається схилити на світлий бік.

Девушка Мальва узнает, что стала бессмертной и начинает искать свою судьбу между светлыми и темными силами. Об этих поисках и рассказывают две книги Д. Корний: *Обратная сторона света* и *Обратная сторона тьмы*.

В романе сербского писателя Ивана Срдановича *Около верха (Око врха)* главной героиней является Морана, влюбленная в малоодаренного писака, который начинает понимать, что может для себя употребить силы женщины-богини, влюбленной в него.

В романе украинца Олега Говды *Кінь Перуна. Правдива історія Захара Беркута* (2001), с мотивами романа Франко о монгольском нашествии в 13 веке и элементами эпической фантастики, рассказывается история о молодом Захаре, который застрелил орлицу, в которую превратилась богиня Морана. Теряя жизненные силы, она уже в форме очаровательной красавицы требует у Захара вытащить стрелу, а когда восстанавливает свои силы, представляется как Морана: „Я – Морена. Або Церера, Геката... У мене багато імен Морена! Давня Володарка Часу і Долі!“ Захар с трепетом думает:

Давня Володарка Часу і Долі! Богиня, могутнішою за яку були хіба що Перун та Велес... Хоча й вони, мабуть, остеріглися б ставати їй поперек дороги. Ім'я Морени у їхній громаді якщо й вимовляли, то лише пошепки і з острахом. Та й як не остерігатися тої, в чіїх руках сукалася нитка людської долі.

Писатель описывает женские чары Мораны, а ее замок среди скал описывает как место щедрых удовольствий. Морана запрещает Захару заходить в секретную комнату в замке, но он не слушает ее – и обнаруживает там лошадь Перуна, которую освободает. Как и в народных сказках, герой нарушает запрет, и это приносит беды.

*

Сегодняшние неоязычники Мару (Мору) либо Марану (Морену) считают славянской богиней смерти, древнего праарийского происхождения. Некоторые утверждают, что Германцы и Скандинавы именно от славян заимствовали своих богинь смерти. Они приукрашивают Мару многими символами, родственниками, свойствами, настолько разнообразными, что образ иногда рассыпается. Но четко отличаются два образа: ледяная молодая красавица и уродливая

старуха. История возникновения образа и его расширения связана с подделками славянской мифологии от Длугоша до Ганки и от Ганки до *Велесовой книги* и новейших подделок. Названия „богини“ со свойствами возродительницы природы Марзана – Мажана встречаются от Длугоша до XIX века. Имена Мара, Марена, Мора, Морена распространяются начиная с романтических подделок. Литературная судьба Мары Морены, хотя и опирается на выдумки подделок, перерастает свои источники и перерастает в новые образы и их символику.

Использованная литература

- Агапкина, Татьяна. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл, Москва: Индрик, 2002.
 [Agapkina, Tat'iana. Mifopoeticheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendaria. Vesenne-letnii tsikl, Moskva: Indrik, 2002.]
- Ајдачић, Дејан. Перунославија. О паганским боговима у непаганска времена. Београд: Алма, 2016.
 [Ajdačić, Dejan. Perunoslavija. O paganskim bogovima u nepaganska vremena. Beograd: Alma, 2016.]
- Афанасьев, Александр. Поэтические воззрения славян на природу. I–III. 1865–1869. Москва: Индрик, 1994.
 [Afanas'ev, Aleksandr. Poëticheskie vozzreniia slavian na prirodu. I–III. 1865–1869. Moskva: Indrik, 1994.]
- Белетич, Марта. Лома, Александар. «Сон, смерть, судьба (наблюдения над праслав.*mora, *mara)». [В:] А. В. Гура, О. В. Белова et al. (ред.) Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. К юбилею Светланы Михайловны Толстой. Москва: Индрик, 2013, 56–75.
 [Beletich, Marta. Loma, Aleksandar. Son, smert', sud'ba (nabliudeniia nad praslav.*mora, *mara). [V:] A. V. Gura, O. V. Belova et al. (red.) Slavica Svetlanica Iazyk i kartina mira. K iubileiu Svetlany Mikhaïlovny Tolstoï. Moskva: Indrik, 2013, 56–75.]
- Бранковић, Ђорђе. Хронике славеносрпске. Ана Кречмер (прир.) Критичка издања српских писаца VII, Београд: САНУ, 2008.
 [Branković, Đorđe. Hronike slavenosrpske. Ana Krečmer (prir.) Kritička izdanja srpskih pisaca VII, Beograd: SANU, 2008.]
- Гейштор, Александр. Слов'янська міфологія. Київ: Кліо, 2015.
 [Heishtor, Aleksandr. Slov'ians'ka mifolohiia. Kyïv: Klio, 2015.]
- Дукова, Уте. „Названия на демонични същества от общослав. mor- в българския език (Morà, Moràva, màra, màren, maròy, maròk)“. Проблеми на българския фолклор. Т. 5: Език и поетика на българския фолклор. София, 1980, 108–113.
 [Dukova, Ute. „Nazvaniya na demonichni sashtestva ot obshtoslav. mor- v balgarskiya ezik (Morà, Moràva, màra, màren, maròy, maròk)“. Problemi na balgarskiya folklor. T. 5: Ezik i poetika na balgarskiya folklore. Sofiya, 1980, 108–113.]
- Журавлев, Анатолий. Язык и миф. Москва: Индрик, 2005.
 [Zhuravlev, Anatolii. Iazyk i mif. Moskva: Indrik, 2005.]
- Кайсаров, Андрей. Мифология славянская и российская. Москва, 1810.
 [Kaisarov, Andreï. Mifologiya slavianskaia i rossiiskaia. Moskva, 1810.]
- Касторский, Михаил. Начертание славянской мифологии. Санкт-Петербург:

- Типографія Фишера, 1841.
- [Kastorskiĭ, Mikhail. Nachertanie slavianskoĭ mifologii. Sankt-Peterburg: Tipografiia Fishera, 1841.]
- Костомаров, Николай. „Несколько слов о славяно-русской мифологии в языческом периоде, преимущественно в связи с народною поэзиею“. [В:] М. И. Костомаров (ред.) *Слов'янська міфологія Вибрані праці з фольклористики й літературознавства*, Київ: Либідь, 1994. <<http://litopys.org.ua/kostomar/kos11.htm>> 1.03.2021.
- [Kostomarov, Nikolaĭ. „Neskol'ko slov o slaviano-russkoĭ mifologii v iazycheskom periode, preimushchestvenno v svyazi s narodnoiu poëzieiu“. [V:] M. I. Kostomarov (red.) *Slov'iāns'ka mifolohiiā Vybrani pratsi z fol'klorystyky i literaturoznavstva*, Kyiv: Lybid', 1994.] <<http://litopys.org.ua/kostomar/kos11.htm>>
- Левицький, Василь. Василь Пачовський. «Ладі й Марені терновий огонь мій». <<https://zbruc.eu/node/11648>> 1.03.2021.
- [Levyts'kyĭ, Vasyl'. V. Pachovs'kyĭ. «Ladi i Marenĭ ternovyĭ ohon' mii».]
- Михайлов, Николай. *История славянской мифологии в XX веке*. Москва: Индрик, 2017.
- [Mikhaĭlov, Nikolaĭ. *Istoriia slavianskoĭ mifologii v XX veke*. Moskva: Indrik, 2017.]
- Некрасов, Николай. «Краледворская рукопись в двух транскрипциях текста, с предисловием, словарями, частью грамматического, примечаниями и приложениями». 1872.
- [Nekrasov, Nikolaĭ. «Kraledvorskaia rukopis' v dvukh transkriptsiiax teksta, s predisloviem, slovariami, chast'iu grammaticheskoĭu, primechaniiami i prilozheniiami». 1872.]
- Раденковић, Љубинко. „‘Теоними’ у словенском фолклору“. [В:] Љубинко Раденковић (ур.) *Словенски фолклор и фолклористика*. Београд: Балканолошки институт САНУ, 2008, 265–280.
- [Radenković, Ljubinko. „Teonimi“ u slovenskom folkloru. [V:] Ljubinko Radenković (ur.) *Slovenski folklor i folkloristika*. Beograd: Balkanološki institut SANU, 2008, 265–280]
- Раич, Иоанн. *Исторія разныхъ славенскихъ народовъ, найпаче болгаръ, хорватовъ и сербовъ изъ тмы забвенія изятая*, Виенна, 1794, Ч. I.
- [Raič, Ioann. *Istoriia raznykh" slavenskikh" narodov"*, najpache bolgar", khorvatov" i serbov" iz" tmy zabveniiā iziataia, Vienna, 1794, Ch. I.]
- Топорков, Андрей. От составителя, *Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора*. Москва, 2002. <http://krotov.info/libr_min/14_n/eb/ylo.htm> 1.03.2021.
- [Toporkov, Andreĭ. Ot sostavitelia, *Rukopisi, kotorykh ne bylo. Poddelki v oblasti slavianskogo fol'klora*. Moskva, 2002. <http://krotov.info/libr_min/14_n/eb/ylo.htm> 1.03.2021.]
- Срезневский, Измаил. *Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям*. Харьков, 1848.
- [Sreznevskiĭ, Izmail. *Sviatilishcha i obriady iazycheskogo bogosluženiia drevnikh slavian po svidetel'stvam sovremennym i predaniiam*. Har'kov, 1848.]
- Шеппинг, Дмитрий. *Мифы славянского язычества*. Москва. 1849, 2014.
- [Shepping, Dmitriĭ. *Mify slavianskogo iazychestva*. Moskva. 1849, 2014.]
- Białczyński, Czesław. *Mitologia słowiańska*. [T. 1], *Księga tura*. Kraków: Wydawnictwo Baran i Suszczyński, 2000.

Łuczyński, Michał. *Bogowie dawnych Słowian Studium onomastyczne*. Kielce: Wydawnictwo Kieleckie Towarzystwo Naukowe, 2020.

Rerum Lusaticarum Tomus Secundus, qui speciales tractatus de slavorum atqve soraborum idolatria nec non dissertations. 2, 1719.

Дејан Ајдацић

МОРАНА У ПРЕДСТАВАМА СЛОВЕНСКИХ ИСТРАЖИВАЧА МИТОЛОГИЈЕ И ПИСАЦА

Резиме

У историји бележења народних веровања и ритуала, име Марзана као богиње се први пут појављује у рукописној хроници пољског летописца Јана Длугоша *Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae* (1460), а затим у списима латиниста Јоахима Бељског, Мартина Кромера, Александра Гвањинија, Маћеја Стријковског и др. у којима се она повезује са Цереом и уништавањем лутке у обредном изгону зиме. Наводе се савремене етимолошке интерпретације етимона *mor** и *mar** у текстовима М. Лучињског, А. Ломе и М. Бјелетић. Историја митолошких тумачења и академских реконструкција словенске политеистичке незнабожачке религије указује на промене својстава и имена богиње Моране (Мора, Морена, Марена, Мажана). Аутор истиче важност списа Лужичана Абрахама и Михала Френцела и њихов утицај на спис Андреја Кајсарова у коме статус богиње смрти већ утврђен. Приказано је како се Морана као богиња смрти појављује у митографским делима 19. века и стиховима и псеудоакадемским мистификацијама Вацлава Ханке. Аутор цитира дела модерниста (Владимир Назор, Васил Пачовски, Алексеј Ремизов). Указује се на место Моране у делу Пољака Чеслава Бјелчињског, те у прози епске фантастике (*fantasy*) савремених словенских аутора Даре Корниј, Олега Говде, Ивана Срдановића.

Кључне речи: Морана, словенски паганизам, ритуали протеривања зиме, богиња смрти, књижевна слика, митолошке реконструкције, књижевне обраде.